

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

18

ПОДМЕНА

Напрасная жертва

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мир жестоких фейри

Галина Череди́й
Напрасная жертва

«Галина Череди́й»

2017

Чередий Г.

Напрасная жертва / Г. Чередий — «Галина Чередий»,
2017 — (Мир жестоких фейри)

Главные герои – все те же лица: Анна-Эдна и архонт Грегордиан, на заднем плане скучающая Богиня-манипуляторша, новые и старые весьма харизматичные друзья и враги, море взрывных эмоций, потрясающие сцены близости, магические сюрпризы, настоящая свадьба фейри и самый главный подарок провидения, которому поначалу никто не будет рад! Не забываем первоначальное АВТОРСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! Главный герой – не пушистый мягкий зайка, он жесткий правитель, живущий по коварным законам мира Старших, ему и его окружению чужды принципы человеческой морали, всхлипывания о всепрощении и вопли о справедливости! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Ультиматум	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Часть первая. Ультиматум

Глава 1

– Эдна, просыпайся! – проворчал Грегордиан, настойчиво прижимаясь к моей спине.

– Ни за что на свете! – огрызнулась я, натягивая на голову подушку и вытягиваясь на животе. – После вчерашней нещадной сексуальной эксплуатации мне требуется больничный. И отпуск! Два отпуска!

Архонт Грегордиан отсутствовал по своим суперважным делам больше суток, которые почти полностью я провела расчищая великолепный, но запущенный сад фаворитки-дриады, в стремлении изо всех сил не думать, какой опасности может прямо сейчас подвергаться мой мужчина. Лугус, получивший от меня строжайший запрет помогать, развлекал нас обоих лекциями о неподобающем для целой будущей жены архонта поведении. Я понимающе кивала и продолжала обрезать сухие ветки, вылавливать опавшие листья из каменной чаши бассейна и драть пожухлую траву, стаскивая все это к выходу из сада. Вымотав себя, я, наконец, смогла уснуть в пустой постели, но, кажется, успела проспать всего пару минут, как матрас заходил ходуном и в живот уткнулась тяжеленная башка Бархата. Мой зверь заурчал так мощно, что все внутренности затряслись, будто я сидела на стиральной машине в режиме отжима, и стал суетливо и нахально тереться всем телом, торопясь получить больше ласки до того момента, как деспот отнимет у него контроль. Я смеялась, срываясь на взвизги и придушенное хихиканье, когда Бархат мокрым твердым носом щекотно проходил по моим ребрам. Не открывая глаз в полной темноте спальни, обласкивала гладкую, как полированный камень, шкуру везде, где могла достать. Торопливо исследовала и ощупывала вздувающиеся мощными буграми и опадающие мускулы, терлась лицом об колючие усы, чесала широкую переносицу, скользила большими пальцами по огромным, выступающим из-под губ клыкам, вызывая новые взрывы иступленного довольного мурлыканья. Грегордиан дал нам с Бархатом минут десять, что можно было счесть необычайной щедростью с его стороны, учитывая ту свирепую жажду, с которой он на меня набросился, едва вернулся в человеческую ипостась. Я слышала, что мужчин возбуждают сражения, и мой деспот и в обычное время обладал более чем превосходным сексуальным аппетитом, но этой ночью он устроил мне просто какое-то файер-шоу нон-стоп.

– Ты знала, с кем связываешься, – фыркнул Грегордиан, прикусывая кожу на затылке сквозь волосы. – К тому же что-то жалоб я от тебя ночью не слышал. Ни одной. Если, конечно, не счесть за них твои совершенно нахальные требования. Цитирую: «Прекрати изводить меня, жестокая ты зверюга, и засунь свой проклятый член внутрь немедленно, или я умру!»

Мои щеки обдало жаром от воспоминания, до чего же он меня каждый раз доводил, и я зарылась понадежней лицом в матрас. Грегордиан взобрался поверх меня, давая в достаточной мере ощутить легкую низкую вибрацию самодовольного смеха в его груди, соприкасающуюся с моей спиной, и горячую тяжесть утренней эрекции, уютно улегшейся между моих ягодиц, но не наваливаясь так, чтобы я не могла вздохнуть.

– Смейся-смейся! Когда-то и я найду способ заставить тебя жалко скулить и умолять позволить тебе оказаться во мне, – нарочито сварливо проворчала и, просто не будучи в силах себе отказать, приподняла бедра и потерлась о пульсирующую твердую плоть. Низкий урчащий стон, требовательный толчок, карающий за дерзость, дразнящее прикосновение волосков, щекочущих мою чувствительную кожу, и стремительно подскочившая температура тела моего деспота – и вот моей усталости и сонливости как не бывало. На лице сама собой расплзлась

улыбка от чистейшего наслаждения, источником которого было абсолютно все в этом мужчине. Даже то, что временами бесило и заставляло отчаянно желать удушить его.

Грегордиан стремительно отстранился, чуть не вынудив меня заныть, и, отшвырнув подушку, перевернул на спину. Зажав бедра между своими коленями, он навис надо мной устрашающе хмурясь. Ладно, это раньше мне показалось бы устрашающим, сейчас я знала, что это признак его полнейшего внимания и озабоченности, направленных целиком только на мою персону.

– Эдна, ты и правда считаешь, что выглядишь жалкой, когда молишь меня о большем наслаждении? – спросил он таким тоном, словно требовал покаяться в серьезном преступлении.

Несмотря на черный и свинцово-серый цвета, преобладавшие в интерьере покоев деспота, утреннее солнце все равно оказалось слишком ярким для моих глаз, и я прищурилась, ненасытно поглощая вид этой нависшей надо мной бесконечно любимой мощи.

– Даже если и так, это не волнует меня. И не будет задевать и беспокоить ровно до того времени, пока это нравится нам обоим. – Я, сознательно избегая его пристального изучения, прошлась взглядом от толстой пульсирующей вздувшейся вены на его шее по широкой, испещренной старыми и новыми шрамами груди вниз, прямо к блестящей влагой головке зажатого между нами члена. Но, естественно, моя уловка не сработала – Грегордиан перенес весь вес на одну руку и, обхватив мой подбородок, вынудил смотреть в его льдисто-серые глаза.

– Женщина, ты даже не представляешь, что со мной творится, когда получается подвести тебя к той грани, за которой уже не существует ничего в мире, кроме неистового желания ко мне, – тихий, рождающийся где-то глубоко внутри рокот, сопровождавший эти слова, мгновенно сделал меня в сотни раз более обнаженной, чем до этого. Беззащитной, просто сгустком плоти и нервов, внимающей одному ему во всем мире. В краткие минуты, когда Грегордиан полностью открывался как сейчас, мне начинало казаться, что могу просто самовоспламениться или взорваться изнутри, не в силах перенести интенсивности его эмоций, направленных на меня. Это была стихия такой мощи, для описания которой даже самой себе у меня не находилось слов. Окунаюсь с головой в этот бушующий океан свирепых чувств моего деспота было величайшим, неистово желаемым благословением и одновременно смертельной опасностью. Каждый раз мне было безмерно мало и при этом настолько чересчур, что грозило разорвать на части. Были ли мои собственные чувства по силе сравнимы с его? Перестану ли я когда-то противиться этому ощущению тотального поглощения, бесследного растворения в нем, которое возникает в моменты откровенности Грегордиана?

– Когда? У тебя это получается всегда, – ответила, все еще предпринимая усилия спрятаться за улыбкой, хотя горло все сильнее перехватывало от всепоглощающего трепета, рождаемого глубинной страстной нежностью, что отражалась в пристальном взгляде деспота.

– Пусть так. Но это не делает каждый раз менее ценным и шокирующим наслаждением для меня, – Грегордиан понимающе усмехнулся и, уступив, скатился с меня, освобождая от дикого потока своей требовательной энергии. – Однако объяснять тебе этого подробно я не собираюсь, потому что тогда ты поймешь, до какой же степени мной владеешь.

Вскочив с постели, деспот бесцеремонно потянул меня за лодыжки к краю, обламывая мое намерение еще немного побаловать себя бесстыжим рассматриванием его великолепного тела. Господи, как же я все-таки люблю каждый его жесткий мускул, резкую впадину, каждый темный волосок, неповторимый рисунок белесых шрамов.

– Поднимайся, Эдна. Я хочу тебе кое-что показать. И прямо-таки уверен, что потом нам будет что обсудить.

– Это как-то зловеще звучит из твоих уст, а значит, вставать мне хочется еще меньше. – Я безуспешно пыталась брыкаться и выворачиваться. – Почему мне кажется, что то, что ты мне хочешь показать, мне не понравится?

– Потому что, скорее всего, так и будет, но я смогу тебя переубедить. – Грегордиану надоели мои жалкие лягания, и он просто закинул меня на плечо и зашагал в купальню.

– Наглая самоуверенная зверюга! – тихо пробормотала я, полностью захваченная открывшимся видом на его задницу, и по-хозяйски шлепнула обе ладони на ягодицы моего деспота.

Твердые, точно вырезанные из дерева, мышцы сокращались и расслаблялись под моими руками, вызывая настойчивое желание тискать их самым нахальным образом. А кто я такая, чтобы отказать себе в такой мелочи?

– Не пытайся меня отвлечь, женщина, – рыкнул на меня Грегордиан, переворачивая и бесцеремонно отправляя в бассейн.

– Можешь мне хоть намекнуть, что такого хочешь показать? – спросила, отплевавшись от воды.

– Намеки – это женская территория, Эдна, – ответил деспот, окунаясь рядом со мной. – Я тебе прямо скажу: мы идем смотреть на место проведения нашего обряда супружеского слияния, который состоится сегодня ночью. Хочу, чтобы ты была морально готова.

Да уж, чем дальше, тем больше это пахнет чем-то зловещим.

В коридоре мы столкнулись с Алево, и из-за его ехидного и слишком понимающего взгляда мне стало еще больше не по себе.

– А тебе обязательно идти с нами? – хмуро осведомилась я.

– Ни за что не хочу пропустить выражение твоего лица, когда ты поймешь, что тебе предстоит, Эдна, – ухмыльнулся белобрысый хитрец, но тут же сменил выражение лица на невинное, стоило архонту взглянуть на него предупреждающе.

Спустившись из башни, мы свернули в боковой коридор и очутились в одной из галерей с большими окнами, выходящими, как я уже знала, на некое подобие арены. Именно там проходили все поединки и тренировки в Тахейн Глиффе. Тут же и случилась моя истерика, когда во время воинского отбора мне показалось, что новобранцы асраи и хийсы буквально задавят моего деспота числом.

Гораздо позже, очутившись здесь во время одной из прогулок по замку, я долго стояла, глядя вниз и пытаясь представить, каким был Грегордиан в тот момент, когда добывал в бою право владения Тахейн Глиффом. Мне почему-то виделся гибкий, мускулистый, пока немного нескладный юноша, на гладкой загорелой коже которого еще не отобразилась эта сложная карта шрамов, говорящая о годах жестоких сражений и нелегких побед. В моей фантазии он стоял там под прицелом сотен недружелюбных и даже откровенно злобных взглядов, на песке, годами поливаемом кровью и потом, широко расставив ноги и гордо вскинув голову, взирая на окружающую толпу с дерзким вызовом, решительный и однозначно готовый сразить любого противника или умереть. Такой великолепный уже тогда, нестигаемый, свирепый и бесконечно одинокий. Сердце становилось каким-то огромным и едва могло биться от гордости за него и в то же время пронзительной боли.

Сейчас ранее пустовавшая галерея была заполнена суетящимися брауни, которые устанавливали вдоль окон столы и стулья. Выглянув наружу, я увидела, что примерно то же самое происходит и внизу. По всему периметру теперь были сколочены уходящие вверх ярусами помосты со столами и широкими лавками. Брауни покрывали их длинными скатертями насыщенного винного цвета с золотым шитьем. Такого же цвета покрывала и подушки укладывали на лавки со спинками. Но не это приковало мое внимание. В самом центре арены был установлен невысокий, щедро задрапированный тканью аквамаринового цвета подиум, и то, что располагалось на нем, невозможно было не опознать. Огромное шикарное ложе, вид на которое будет открыт любому, кто посмотрит хоть с ярусов со столами, хоть с галереи и вообще из любого окна, выходящего на эту сторону. Прямо-таки невыносимо белоснежные простыни буквально ослепили меня, отразив яркий свет местного солнца, когда брауни бережно взмывали ими, застилая кровать. Я поморгала в тщетной надежде, что зрение подводит меня. Но

нет. Роскошная постель, выставленная на всеобщее обозрение, по-прежнему была на месте. Медленно я повернулась к Грегордиану и ухмыляющемуся из-за его плеча Алево.

– Во имя Богини, Эдна, твое лицо сейчас следует запечатлеть для потомков!

Я показала асраи средний палец, неотрывно глядя в невозмутимое лицо деспота.

– Грегордиан, скажи мне, пожалуйста, что наше место на этом обряде будет за одним из столов, – обманчиво спокойно попросила я.

– Эдна, поверь, на постели вам будет гораздо удобнее, чем на столе, – продолжал ехидничать Алево, но я его стойко игнорировала, продолжая сверлить Грегордиана пристальным взглядом. Однако пробиться сквозь сплошную броню его непроницаемого спокойствия мне не удалось.

– Дорогая, за столами место для тех, кто придет засвидетельствовать наше слияние, – терпеливо объяснил деспот.

– Что-то мне подсказывает, что «засвидетельствовать» в этом случае не будет означать поставить подписи на документе, – прокомментировала, изо всех сил стараясь не начать психовать.

Но полностью не реагировать не удалось, тело само собой напряглось, будто готовясь к схватке. И Грегордиан тут же изменил свою нарочито расслабленную осанку, чутко отзеркаливая меня.

– Неужели ты думаешь, что смысл обряда в том, чтобы накарябать никчемные буквы на бумаге? Разве можно хоть что-то стоящее сотворить с помощью бумаги и чернил? – нахмурился он, явно начиная раздражаться.

Но я считала, что злиться – сейчас чисто моя прерогатива. И ему следовало это понимать, потому что наличие кровати посреди арены намекало явно не на сеанс оздоровительного сна. А заниматься сексом прилюдно – это для него нечто само собой разумеющееся, а не для меня!

– Ну, нет, конечно! – уже не сдерживаясь, огрызнулась я. – Разве могла бы ожидать, что в этом долбанутом мире мне не придется скрепить свой брак как минимум кровью!

– Часть с кровью будет, скорее всего, самой простой для тебя, Эдна, – теперь Алево уже не веселился, а выглядел озабоченным.

Да только черта с два я верила в то, что это искренне. Мерзавца все откровенно забавляло.

Воображение тут же нарисовало кошмарную картинку жертвоприношения и последующих манипуляций с кровью. Господи, мне же не придется ее пить, ведь правда?

– То есть кровь тоже будет? – практически взвизгнула я, отчаянно желая стукнуть по-прежнему стоящего как изваяние Грегордиана, в планы которого, по всей видимости, не входило сделать все для меня проще. – Насколько много и чья?

– Совсем немного. Твоя и моя, – вернулся деспот к спокойным пояснениям, и я тоже постаралась поймать стремительно ускользающее равновесие, сжав переносицу и пару секунд глубоко и размеренно подышав.

Ладно, в конце концов, я тут чего только не повидала и смогу перенести и еще одно испытание. Ведь смогу?

– Так, давай Алево сейчас уйдет отсюда, и ты мне четко и понятно расскажешь, что и как должно произойти.

– Эдна, сегодня ночью за тобой с деспотом будут наблюдать столько фейри, сколько сможет набиться сюда, а тебя волнует мое присутствие? – возмутился асрай.

– Оно меня не волнует, а бесит. Разные вещи. Убейся!

Алево уставился на Грегордиана, но тот чуть пожал плечами.

– Ты ее слышал.

– Вот очень напрасно, потому как я мог быть очень полезен в том, чтобы заставить упрямую женщину увидеть все в нужном свете! – проворчал асрай, уходя.

Я отвернулась к окну, отвлекая себя наблюдением за брауни, которые, закончив с постелью, стали раскладывать по всей площади арены какие-то зеркально блестящие плоские камни, явно формируя некий рисунок.

– Итак, как все будет происходить?

– Тебе не стоит заикливаться на процессе, Эдна. Гораздо важнее сосредоточиться на конечном результате. – Грегори́ан развернул меня к себе и сжал лицо в ладонях. Так, как умел только он – сильно и властно, на грани причинения боли и в то же время бережно, будто пытаясь влить через это прикосновение шокирующую нежность, предназначенную мне одной. – Слияние соединит нас неразрывно навсегда, Эдна. Навсегда.

Он словно с усилием протолкнул беспощадную окончательность этого «навсегда» в мой разум, и внутри все вдруг заledenело от неведомой откуда пришедшей вспышки страха. И, наверное, это отразилось на моем лице.

– Да, именно так, дорогая, – мрачно и торжественно подтвердил Грегори́ан, и в этот момент его зрачки показались целыми черными безднами, в которые меня утягивало с неумолимой силой. Но вместо нового взрыва страха от падения родилось предвкушение. Оно росло с головокружительной скоростью, снова вытворяя с моими эмоциями эту потрясающую метаморфозу, как тогда в первый наш настоящий прямой контакт. Когда сила страха преображается, сплетается в единое целое с притяжением к этому мужчине, делая его фатальным и непреодолимым.

– Я не боюсь твоего «навсегда», – обхватила я его щеки в ответ, демонстрируя, что обладаю им так же, как он мною.

– А хочешь ли его?

– Больше всего в жизни. А ты?

– Ты не должна меня об этом спрашивать, женщина! И думать об этом тоже не должна! – резко перешел на приказной тон деспот.

– И почему же? – От этой перемены мои брови сами собой поползли вверх в изумлении.

– Потому что я уже буквально вижу, как ты начнешь сомневаться и домысливать за меня! – Грегори́ан отстранился, разрывая наш контакт, и порывисто указал на продолжающиеся внизу приготовления. – А единственное, что тебе нужно четко осознавать, – ничего не происходило бы, если я не захотел бы этого так же больше всего в жизни и не отдавал себе отчет, насколько это верно. Это не импульс и не каприз для меня, не вынужденное решение, не помутнение, которое пройдет, Эдна. Уясни, что я не человек, чьи чувства изменятся с годами. В противном случае слияние стало бы для нас обоим тюрьмой, ловушкой без выхода.

– А что если... если мои чувства изменятся? – Страх снова противно заскребся внутри.

– А вот этому я уже не позволю случиться. – Боже, за эту до одури самоуверенную ухмылку так захотелось двинуть ему и зацеловать одновременно, потому что непостижимым образом его самоуверенность питала мою уверенность в нем. Ну как понять до конца собственные чувства, как обуздать их и упорядочить, чтобы каждый раз не оказываться на грани удушья от переизбытка?

– Ты такой... – Слов не нашлось, и я только судорожно выдохнула, стремясь хоть как-то вернуться мыслями к все еще актуальной теме. – Но все равно я совершенно не уверена, что готова подписаться на сам процесс этого слияния с закрытыми глазами. Мне всегда проще, когда я знаю все.

– Как пожелаешь, – новая ухмылка, и мои внутренности снова скрутило узлом. – Ближе к ночи здесь соберутся все фейри, находящиеся в Тахейн Глиффе, и те, кто успеет прибыть из окрестностей и у которых есть желание засвидетельствовать наше слияние.

Прекрасно, каждый местный житель завтра будет знать, как я выгляжу голой, и это минимум.

– Неужели это так необходимо? – кисло спросила я, обводя взглядом трибуны со столами и прикидывая, сколько же народа может туда влезть.

Брауни уже закончили с расстиланием скатертей и покрывал и расставляли серебряные пузатые кубки, сверкающие на ярком солнце так, будто откровенно насмехались надо мной. Рисунок, выкладываемый из каменных плашек на песке, тоже обретал законченный вид странных графических знаков, смыкающихся в сплошное зеркальное кольцо вокруг подиума с кроватью.

– Эдна, их присутствие необходимо. Энергия, которой поделится каждый свидетель, увеличит вероятность успешного исхода нашего слияния, а последующую связь сделает более гармоничной и полной.

То есть зрители будут некими батарейками, подпитывающими действо? Так, конечно, понятнее и логичнее, но логика в подобной ситуации не приносит особого облегчения.

– Насколько я знаю, фейри не большие любители чем-либо делиться. Может, никто и прийти-то не захочет, – со слабенькой надеждой предположила я.

– О, нет, поверь, женщина, они ни за что не пропустят обряд, – фыркнул Грегордиан насмешливо и глянул так, что я поняла – трибуны будут ломиться.

– Заставишь?

– И не подумаю, – на секунду на его лице промелькнуло нечто весьма похожее на обиду. – В слиянии нельзя заставить участвовать. Просто удовольствие, которое они испытают в момент создания нашей связи, должно быть непередаваемо. А учитывая, насколько редко фейри решаются на обряд слияния, только полный идиот упустит возможность испробовать его на вкус.

– Должно быть? Сам ты при этом никогда не присутствовал?

– При удачном слиянии – нет, – чуть скривился Грегордиан.

– Так, минуточку! – насторожилась я. – А оно может быть еще и неудачным?

– Если ты по какой-то причине не примешь меня в себе полностью, или вдруг Богиня отвергнет наш союз, то может, – Грегордиан проговорил это быстро и вдруг резко заинтересовался работами внизу.

Что-то мне подсказывает, что «примешь меня в себе» – не совсем про физиологию. Как и то, что мой деспот, похоже, тему развивать не стремится.

– Вот оно что, – постучала я пальцем по нижней губе. – То есть варианта, что это произойдет по твоей вине, ты не рассматриваешь?

Снова сердитый «что за ерунду ты городишь» взгляд.

– Вот мне интересно, если с этим обрядом столько заморочек, то как же ты грозил им Раффису? Не похоже, что Илве с Алево удалось бы его пройти.

Ха! Не похоже, что им и приблизиться к его исполнению даже светило бы!

– Но драконеныш-то всего этого не знал, – откровенно цинично усмехнулся деспот, абсолютно точно не испытывая ни капли раскаяния.

– Фейри! – покачала я головой. – Хорошо, с необходимостью присутствия гостей мне все понятно. Что дальше?

Грегордиан развернулся, возвращая все свое внимание мне.

– Сначала мы разделим особым образом приготовленную только для нас пищу и вино. Это первый этап, он тебе, в принципе, знаком и трудности составить не должен.

Я сильно сомневаюсь, что мне кусок в горло полезет, а вот вино может быть очень кстати. Вдруг оно поможет мне отыскать в себе невиданную смелость и раскованность?

– Потом я рассеку тебе кожу в определенных местах, а ты мне, чтобы наша кровь смешалась, когда мы станем ласкать друг друга, готовя к следующему, – Грегордиан прищурился и слегка напрягся, как если бы ожидал, что я кинусь бежать.

На секундочку такое желание меня посетило. Ой, боже ж мой, ну почему все это не может быть проще!

– Где... где придется резать? – сглотнув поднимающийся из желудка ком, пробормотала я.

– Лоб, ладони, над сердцем, внизу живота и ступни, – спокойно перечислил Грегордиан и заверил: – Больно не будет, Эдна.

– Остается только верить в это, да и, скорее всего, какие-то порезы не будут волновать меня в тот момент, когда мы перейдем к главному.

Картинка наших перемазанных кровью потных тел, сплетенных на белоснежных простынях в ярком свете полыхающего вокруг огня мелькнула у меня в голове, пугая... но и тут же обжигая шокирующим возбуждением. Господи, а огонь-то откуда?

– Секс – не главное в обряде, Эдна, – развеял мои нездоровые фантазии деспот.

– Нет? А что же тогда? – Откуда это в твоём голосе, Аня, столько разочарования? Извращенка-эксгибиционистка, твою налево!

– Клятва-проникновение. Я произнесу ее слова, и ты повторишь их. Не просто повторишь, а примешь их в своем сердце, в душе, в сознании. Впустишь их в себя, во всю свою сущность, а с ними и меня. Ты навсегда отдашь мне не часть, а всю себя без остатка, а в ответ примешь меня всего, проникнешь во все, что является мною.

Подобие великолепной улыбки заиграло на губах Грегордиана, и странная ласкающая бархатистость пробила в голосе, когда он перечислял все. Зрачки расширились, глаза подернулись чувственной поволокой, будто он уже прямо сейчас смотрел на то, как все будет происходить. Ноздри деспота затрепетали, и кожа покрылась четко видимыми мурашками, словно еще и все будущие запахи и прикосновения были реальны для него. Боже-боже-боже! Что же ты творишь со мной, Грегордиан! Я, видно, окончательно совершенно чокнулась, потому что страшусь уже не того, как все будет происходить, а того, что может ничего не выйти.

– А что если... вдруг не получится? – заикаясь, прошептала я.

– Получится! – отрезал деспот с такой яростной страстностью, что я аж подпрыгнула.

– А... а если Дану воспротивится? – продолжила нагонять пессимизма я.

– Не проблема, дорогая, – Грегордиан оскалился в такой устрашающей улыбке, точно заранее предупреждал: все способное встать у нас на пути должно исчезнуть, или будет обращено в пыль. – Мы учтем ошибки и попробуем снова. Не важно, в чем будет причина, но мы будем делать это до тех пор, пока не получится или пока Богиня не устанет отвергать наши попытки.

– И сколько же раз?

– Да хоть до бесконечности!

– Бесконечность – это долго. – И кто сказал, что она у меня есть?

– Не имеет значения, – рыкнул деспот, давая понять, что в этом вопросе непреклонен. – Ты никогда не покинешь меня и стены Тахейн Глиффа, пока не станешь моей супругой!

О, ну конечно! Как же архонт Грегордиан обошелся бы без ультиматума и мне, и самой судьбе!

– То есть ты непустишь меня в мир Младших с Илвой, если обряд сегодня не работает?

Мне бы разозлиться, но разве я чего-то иного от него ожидала? Поступи он по-другому, и перестанет быть собой.

– Никуда и никогда, Эдна!

– Это называется «шантаж», милый! – усмехнулась я.

– Это называется «добиваться страстно желаемого любыми средствами и мотивировать к этому других».

– Какой же ты все-таки... фейри! – снова только и смогла сказать я.

– Причем очень скоро весь твой с потрохами фейри, Эдна! – Грегордиан в одно мгновение оказался рядом, захватывая, прижимая, притираясь теснее некуда, выдыхая в висок сразу

жарко и требовательно. – Хочешь, сейчас вернемся в спальню и я еще разок продемонстрирую тебе массу плюсов к перспективе иметь меня своим?

Я хотела. Но еще больше нуждалась в некотором уединении для осмысления всего и сразу.

– В спальню, пожалуй, вернусь я одна. Мне необходимо время для того, чтобы перестать злиться на тебя, обряд этот и вообще устройство мира вашего в принципе. И это тебе продемонстрирует, каково это – иметь жену, и тоже даст возможность поразмыслить, пока есть время до ночи.

Я вывернулась из объятий деспота и практически сбежала, сопровождаемая его нахальным смехом.

Глава 2

– Как она все восприняла? – Алево появился в галерее, стоило лишь Эдне скрыться за углом, и Грегордиан был уверен, что асраи не отказал себе в удовольствии подслушать его разговор с ней.

– А как, по-твоему? – усмехнулся деспот.

– Думаю, лучше, чем могла бы. Если честно, я надеялся на большее количество трагизма и категорический отказ участвовать в подобном, на ее взгляд, кроваво-развратном непотребстве.

– Кто сказал, что этого не случится, когда дойдет до дела? – нахмурился Грегордиан.

– Очень может быть. «Рассечь кожу» – надо же, какое... хм-м... гениальное преуменьшение, мой архонт. Так и вижу, как она швыряет ритуальный нож и сбегает после того, как ты предложишь ей воткнуть его тебе в сердце.

– Не слишком ли тебя радует такая перспектива, друг мой? – настороженно прищурился деспот.

– Дело не в радости, а в логике. Все происходящее, – Алево кивнул на приготовления внизу, – кажется мне излишне поспешным. И это уже преуменьшение с моей стороны.

– Я не ты, асраи. Мой выбор сделан, и дополнительного времени не нужно, а вот тебе для того же самого, похоже, и всей жизни не будет достаточно.

– Вот уж точно! Я трахаю, а не обладаю, потому как желание обладать кем-то безраздельно и есть прямой путь к тому, чтобы захотеть еще и принадлежать этому кому-то. Это не мое абсолютно точно. Ревность, необходимость меняться, дабы сделать счастливым кого-то кроме себя, страх потери и прочие милые радости! Нет уж, это не моя лига, как говорят в мире Младших.

– Я что-то пока необходимости меняться не заметил, – пожал плечами деспот.

– Вот! Частичная слепота к очевидному – это тоже одно из неизбежных последствий! Нет-нет-нет! Чур меня! – Алево замахал раздраженно рукой, словно отгоняя от себя нечто готовое прилипнуть. – И вот, кстати, о мире Младших. Ты всерьез намерен сначала связать себя с женщиной, а потом взять и отпустить ее?

– Когда закончатся причины для задержек, то почему нет? – Грегордиану и самому эта мысль не нравилась, но жаловаться он не собирался. – Насколько я знаю, после слияния ее саму наизнанку выворачивать будет вдали от меня. Эдна и двух дней не продержится и примчится обратно.

– Не забудь, что и с тобой будет то же самое! – Да что творится с вечно невозмутимым асраи, если он позволяет себе эти гримасы?

– Я мужчина и воин – потерплю, – спокойно ответил Грегордиан, вглядываясь в лицо кривящегося Алево повнимательнее.

– Все равно... разве нельзя обойтись без столь экстремальных методов окончательного завоевания уже принадлежащей тебе женщины?! – выхватив идеально натертый кубок у накрывающего столы брауни, асраи взвился на пустом месте: – Ты что не видишь, что он в пыли?! Если приготовления идут в чрезмерной спешке, это еще совсем не значит, что вам позволено относиться к своим обязанностям спустя рукава!

Брауни шархнулся от всегда невозмутимого ближайшего помощника архонта, изумленно разглядывая кубок, который тот в сердцах швырнул обратно на его поднос.

– Друг мой, а может, ты уже прямо скажешь? – усмехнулся деспот столь непривычной нервозности лучшего друга.

– И скажу! – сверкнул Алево глазами и вызывающе опустил голову, словно бодливый уриск, выставляющий огромные рожищи перед атакой. – Можешь меня потом швырять,

сколько влезет! Буду только рад отсутствовать на обряде! Я еще кое-как могу понять моногамию и отказ от возможности иметь наследника, хоть по мне – логичнее избрать собственное потомство, а не женщину. Но я никак не могу понять то, что ты готов пожертвовать более чем половиной отпущенного тебе Богиней времени! Эдна – человек, Грегордиан!

– Я помню, Алево, – приподнял бровь деспот, будто подначивая помощника.

– Если Богиня соединит вас, представь, сколько лет, которые ты мог бы жить и здравствовать, уйдут к ней! – продолжил асраи безуспешные попытки накрутить его.

– И прекрасно! Так у меня будет гарантия, что мне не придется однажды начать жить лишь воспоминаниями о ней!

– Ар-р-р-р! – запрокинул голову Алево под взглядом деспота, которого его реакция неожиданно не выводила из себя, а забавляла. – Не понимаю я!

– Если несколько ударов об стену или полет из окна облегчат твой мыслительный процесс, я с удовольствием пойду тебе навстречу! – уже открыто веселился Грегордиан.

– Нет уж, лучше я пойду отсюда с твоего позволения, мой архонт! – продолжая хмуриться и раздраженно кривиться, преувеличенно поклонился Алево.

Грегордиан отпустил его жестом и, еще раз обзрев весь фронт приготовлений, отправился в башню. День стремительно катился к вечеру, и его тело тоже должно быть подготовлено. Сделав несколько быстрых шагов, он невольно замедлился. Может, Алево и прав насчет внутренних изменений. Ведь раньше ему бы и в голову не пришло подумать о том, что Эдне явно не понравится, что готовить его к ритуалу будут чужие женские руки.

Вернувшись, он как раз застал момент, когда брауни уводили Эдну в ее покои. Не было похоже, что за время своих раздумий она преисполнилась оптимизмом по поводу предстоящей церемонии. Скорее уж наоборот. Может, сейчас как раз и пришло время воспользоваться ее советом о пользе этого идиотского «тактического отступления»? Само собой, в сражении Грегордиан отвергал подобное однозначно и категорически, но слияние, через которое им нужно пройти, – это ведь полная противоположность сражению. Что если вернуться к этому вопросу попозже, потратив больше времени на моральную подготовку Эдны, будет умнее и приведет к удачному исходу гораздо эффективнее, чем его упрямое желание довести все до конца немедленно? Эдна, бледная и неприятно отстраненная, кратко взглянув на него, отвернулась и пошла мимо вслед за брауни, а в глубине его груди зародилась возмущенная вибрация, вылившаяся глухим рокотом наружу. Нет, они попробуют и сейчас, и, если понадобится, потом, тут же решил Грегордиан, настигая ее за пару шагов и разворачивая к себе. Он не оставит ей возможности отстраняться от него ни физически, ни душевно. Эдна еще не знает, но слияние со временем взрастит между ними связь, которая избавит его от необходимости угадывать ее эмоции. Каким же проклятым облегчением это будет. Грегордиану не придется насильно себе мозг, подбирая слова для собственных к ней чувств. Вот где настоящая пытка для мужчины. Особенно для него, учитывая, что подобному он вообще не считал нужным уделять хоть каплю своего внимания. Женщины появлялись и исчезали по мере того, как он испытывал в них потребность, о чем тут говорить? Но с Эдной все было не так. Вопрос об ее исчезновении не стоял, пожалуй, никогда, но этой женщине все время надо с ним о чем-то говорить. Нет, не о чем-то. Об этих самых чувствах, об отношениях, что бы это ни значило. И самое парадоксальное, что он сам, чем дальше, тем больше втягивался, начинал потакать этому все с меньшей неохотой, потому что когда Эдна молчала вот так, как сейчас, Грегордиану становилось неуютно в собственной коже. Невесть откуда взявшаяся интуиция орала, что молчаливая Эдна – это плохо. И поэтому слияние жизненно необходимо ему. Он сможет читать Эдну, она же без всех этих каверзных слов будет ощущать его безошибочно. И, возможно, это позволит ей научиться не испытывать предел его терпения так часто. Оказаться перед ней слишком открытым Грегордиан не опасался. Эдна – человек, и у нее уйдут годы и годы на то, чтобы научиться улавливать не только те эмоции, что он захочет ей показать, но и те, что он пожелает скрыть.

А пока же... пока придется открыть рот и что-то сделать с этим замкнутым выражением лица его женщины.

– Давай, сделай это, Эдна, – проворчал Грегордиан, с привычным удовольствием сгребая в кулак волосы на ее затылке, вынуждая посмотреть в лицо и бесстыдно проходясь по желанным изгибам второй рукой.

– Сделать что, Грегордиан? – упрямая женщина опять умудрялась говорить с его левым ухом или кадыком, но никак не прямо смотреть ему в глаза.

И еще опущенные уголки губ... Вот отчего ему от этого так плохо? Он вообще замечал ли такое раньше? Едва ли.

– Поговори со мной. Или обо мне. Можешь даже покричать, – провокационно щедро разрешил деспот и тут же внутренне усмехнулся, заметив гневный блеск глаз Эдны и две строгие морщинки между бровей. Жутко возбуждающие две морщинки, между прочим, так и поддразнивающие его превратить их во множество, то самое, которое возникает на лбу Эдны, когда экстаз уже неумолимо катится по ее телу, прошивая его самого от макушки до пяток удовольствием неизведанной прежде силы.

– Я не хочу разговаривать, – вместо того чтобы вспылить и высказать ему, Эдна мгновенно справилась с собой, оставив его ни с чем. Ну вот и что теперь? Что делать с открытым противостоянием он знал и даже предвкушал его, но вот как быть с полным уклонением от оно́го?

– А чего ты хочешь? – Деспот потерял лицом о скулу Эдны и с удовлетворением отметил дрожь опустившихся ресниц.

Но продлилось это недолго.

– Например, выйти замуж соответственно традициям того мира, который считала большую часть жизни своим! – Эдна мягко, но настойчиво попыталась вывернуться из его захвата, но добилась этим только того, что деспот плотнее вжал ее в себя, хотя и сдержал столь естественное желание толкнуться отяжелевшим членом в живот. – Никаких кровавых ритуалов и публичных порношоу. Скучно, понимаю, но я бы как-нибудь потерпела.

– Эдна, – Грегордиан не собирался оправдываться за устои и обряды своего мира, он просто хотел, чтобы она приняла все как есть.

– Я в курсе, что хочу невозможного, – спокойно кивнула Эдна, вроде бы с ним соглашаясь. – Но тогда хотя бы какая-то компенсация мне положена?

– Компенсация? – Основопологающий принцип жизни фейри – ничего не делать просто так. И, кажется, Эдна начала схватывать его суть прямо на лету. Грегордиан и сам не понял, нравится ему это или нет.

– Предложение! – провозгласила Эдна, и зрачки ее глаз торжествующе расширились. Вот это точно не к добру.

– Предложение? – нахмурился Грегордиан, ощущая себя глупым эхо.

– Именно. В мире Младших мужчина делает женщине предложение. Это своего рода тоже обряд. Чаще всего он выбирает какой-то особенный момент, становится на одно колено и говорит женщине о своих истинных чувствах и по какой такой причине ей стоит стать его женой. – Деспот ощутил как нечто, что он назвал бы весьма похожим на страх, если бы верил, что еще способен его испытывать, поползло противным ручейком от сердца по всему телу. Но, как ни странно, это была реакция чисто его человеческой ипостаси. Зверь... Эдна называла его дурацким именем Бархат, так вот он насторожился в готовности и внимании. Дурной скотине только дай возможность узнать, как порадовать эту женщину, и он его изнутри сожрет.

– Я не ожидаю, что ты встанешь на колено. – А вот это как раз было бы проще некуда, особенно учитывая, как удобно в этом положении закинуть ее ногу себе на плечо и заставить забыть о всякой ерунде. – И о чувствах говорить я не могу тебя просить. – Какое облегчение! – Но я хочу, чтобы ты сказал мне о том, почему именно я должна быть твоей супругой.

– То есть моих слов «я хочу этого больше всего на свете» было недостаточно? – недобро прищурился деспот.

– Достаточно. В принципе. Но, понимаешь ли, компенсация – она такая вредная штука... – Эдна закусила губу, будто искренне ему сочувствовала, но ничем помочь не могла. Ох, что-то тут нечисто! – Не мог бы ты повторить все то же самое, но романтичнее? Так, чтобы и я прослезилась и тут же решила, что выйти за тебя каким угодно образом – величайшее счастье в мире.

– А сейчас ты в этом сомневаешься? – Все это уже порядком начинало злить деспота.

– Нет. Но, в конце концов, больше выходить замуж мне не светит, так что это мой первый и последний шанс. – А вот это уже прозвучало как-то жалобно и наверняка бы заставило его устыдиться, если бы это вообще было возможно. Нет, не того, что других мужей и свадеб у Эдны больше не будет, а того, что эта их единственная не такая, как ей мечталось. Но разве он сам еще совсем недавно грезил о том, что все выйдет так и именно с ней?

– Это твое... предложение... оно нужно тебе прямо сейчас?

– Вовсе нет. Можешь сделать это на той долбаной арене, голышом, перед всеми собравшимися. Надеюсь, это не убьет романтику.

Деспот представил себя обнаженным, на одном колене, произносящем какую-то околесицу... Во имя Богини, чушь какая-то! Озадаченно нахмурившись, Грегордиан отпустил Эдну.

– Иди, тебе уже пора готовиться, и мне тоже. – Потирая переносицу, деспот пошел в сторону купальни, думая о том, что ему срочно нужен Алево.

– Грегордиан, милый! – окликнула его Эдна, и он отчетливо услышал в ее голосе веселье.

– Что? – рыкнул он, оборачиваясь к ней, стоящей в дверях.

– Я пошутила! Ничего мне не надо! – уже откровенно смеясь, Эдна быстро захлопнула дверь.

А вот теперь напросилась, дорогая. Получаешь все, что попросишь, и только от меня!

Не то чтобы его тело нуждалось в омовении, но раз уж полагается... Грегордиан тер кожу почти с озлоблением, не в силах выбросить из головы слова Эдны об этом дурацком предложении. Он знал, что она должна стать его супругой. Просто знал и все. С чего это, собственно, ему нужно придавать этому знанию какую-то словесную формулировку? Это может занять проклятую вечность!

– Мой архонт, прибыли монны, избранные тебя готовить, – прошелестел Лугус от двери.

– И кто это их избрал? – раздраженно рыкнул деспот, все еще погруженный в свои мысли.

– Э-э-эм-м, собственно, в основном асраи Алево, – промямлил брауни, явно не ожидавший его дурного настроения в такой момент.

– Ну кто бы сомневался. – Грегордиан мог поклясться, что сейчас перед ним предстанет его излюбленный ранее тип женских особей. Алево не поклонник полумер.

– Они готовы вымыть тебя как полагается и подготовить лучшим образом, – поклонился Лугус, и в купальню проскользнула первая девушка. Самовила, с прекрасными формами, светлыми волосами почти до колен и, естественно, почти без одежды. Когда она поклонилась ему, ее розовые торчащие соски, кажется, уставились на Грегордиана вместо глаз, посмотреть в которые он не потрудился.

– Я не младенец, чтобы меня купать! – грубо огрызнулся деспот и небрежно махнул рукой, давая знак всем убираться. – Я выйду, когда буду готов. Чаши с генной уже принесли?

– С минуты на минуту, мой архонт, – пообещал брауни, исчезая и настойчиво утягивая за собой явно недовольную самовилу.

Когда Грегордиан покинул купальню, самовила и не менее роскошная монна асраи, стоявшие у окна в ожидании его появления, мгновенно выпрямились, стараясь максимально выставить напоказ все свои и так очевидные достоинства. Ожидают, что если он прельстится последний раз поиметь кого-то, кроме будущей супруги, то вознаграждение избранной для

этого окажется более чем щедрым? Деспот раздраженно поморщился. А ведь раньше он не находил это раздражающим и отталкивающим. Нисколько. Еще одна прелестница цепко наблюдала за ним, стоя поодаль от остальных у дверей балкона. Странно, что третьей Алево выбрал девушку расы фое́т. Вот уж на кого Грегордиану не случилось польститься ни разу, в отличие от самого асраи. Лугус уже ушел, видимо стремясь охватить своим хлопотливым вниманием весь фронт приготовлений, но две одинаковые чаши размером чуть шире его ладони уже стояли в центре стола гостиной. Сделаны они были из покрытого искусной резьбой жа́меро – абсолютно черного камня, часто используемого магами для создания ритуальных предметов. Идеально прозрачная густая маслянистая жидкость наполняла обе емкости до половины. При слиянии обязанность мужчины придать прозрачной генне цвета для обоих супругов, но только Богине известно, какими они будут.

Грегордиан решительно подошел к столу и поднял увесистую чашу, предназначенную для него. Самовила и асраи подступили ближе, с любопытством ожидая результата, и деспот бросил на них строгий взгляд, требующий соблюдать дистанцию, но тот натолкнулся на непрошибаемые соблазняющие улыбки. До чего же это отвлекало и раздражало! Осторожно коснувшись вязкой поверхности кончиками пальцев, деспот почти заворуженно наблюдал, как прозрачная генна медленно стала приобретать цвет. Будто крошечный красноватый взрыв произошел от контакта кожи с маслянистой субстанцией, а потом стал распространяться, клубясь и приобретая вид жидкой бронзы. Так вот как он будет выглядеть к началу обряда. Словно одно из извятий, столь любимых в мире Младших. Интересно, это понравится Эдне или позабавит ее? Стряхнув с пальцев краску, Грегордиан взял вторую чашу. Спокойное до этого сердце отчего-то зачастило в предвкушении, и Бархат нетерпеливо заерзал внутри. Сейчас он узнает, какой предстанет перед ним Эдна, и от этого деспот ощущал себя дико возбужденным во всех смыслах слова. Что, судя по вздохам и возне позади, не осталось незамеченным моннами. На самом деле ему плевать, каким будет цвет, главное, чтобы уже быстрее.

Коснувшись пальцами поверхности генны, деспот впился в нее глазами в ожидании нового цветового взрыва. Но ничего не случилось. Жидкость оставалась все такой же девственно-прозрачной. Нахмурившись, он вытащил пальцы и погрузил снова, уже глубже, доставая до дна чаши. Снова ничего. Обнаженных лопаток коснулось чье-то дыхание, и, оглянувшись, Грегордиан столкнулся с любопытным взглядом монны асраи, пытавшейся заглянуть через его плечо, и тут же взбесился.

– Убирайтесь! – рявкнул он так, что обе девушки в испуге шарахнулись от него. – Пошли прочь! Я не без рук и сам могу нанести эту проклятую краску!

Две девушки в испуге вылетели из его покоев, с грохотом захлопнув двери, а вот их крылатая товарка даже не шевельнулась. Она по-птичьи склонила голову набок, продолжая наблюдать за ним невозмутимо и даже нахально.

– Ты не слышала мой приказ? – зарычал Грегордиан, вкладывая в свой тон максимум угрозы, но это не заставило фое́т даже отвести наглые шоколадные глаза.

– Слышала, но кто сказал, что у тебя есть право отдавать мне приказы? – усмехнувшись, она продемонстрировала ему крошечные, но острые передние клыки, и деспот вдруг не смог сделать новый вдох, так, словно неодолимая сила стянула его грудную клетку.

– Шоколадные... твои глаза... – прохрипел Грегордиан, понимая, кто перед ним.

– Ну да, у настоящих фое́т они зеленые, подзабыла уже, – улыбнулась Дану еще шире и подошла к нему. Теперь все его тело ощущалось обездвиженным и онемевшим.

– Приветствую тебя, великолепная и устрашающая, – выдавил из себя Грегордиан. Как следует действительно приветствовать Богиню? Кто же мог это сказать, если она несколько поколений никого не удостаивала общением с собой? Ему же «посчастливилось» уже дважды за один лунный цикл.

Дану ткнула в его пальцы, все еще погруженные в чашу с генной, и ехидно спросила:

– Что, не работает? – когда он промолчал, она объявила: – И не сработает, пока я не захочу. А причин захотеть я не вижу, мой непокорный дини-ши.

Грегордиан готов был рухнуть на колени перед Богиней, но его тело по-прежнему ему было неподвластно. Все что он мог – это взмолиться взглядом и прохрипеть:

– Дану, прошу тебя...

– Замолчи! – оборвала его Дану, и Грегордиану показалось, что мистический захват на груди стал дробить его ребра, а рот оказался запечатан.

– Разве с этой женщиной тебе следовало соединиться? Разве она может дать тебе наследника? Разве ты получил от меня позволение прервать на себе свой род? Я разрешала тебе сделать расу дини-ши еще более малочисленной с твоей смертью? Которая весьма приблизится, если ты пройдешь слияние с человеком.

В собеседнике Богиня, очевидно, не нуждалась, как и в его возражениях, иначе не заткнула бы ему рот. Поэтому все, что оставалось Грегордиану, – это ждать и надеяться на то, что все свое недовольство Дану выместит на нем и решит не вмешивать в это еще и Эдну.

– Ты ведь даже не слушаешь меня, глупое высокомерное дитя! – Такая острая боль прострелила деспота от макушки до пяток, что только наложенная Богиней немота удержала позорный вопль.

Как любая женщина их Богиня умеет добиваться полнейшего внимания, когда ей нужно. Грегордиан намертво прилип глазами к хрупкой фигурке, безмолвно извиняясь за все, в чем бы ни провинился. Он повинится в чем угодно, только бы унять раздражение Дану и отвести удар от своей женщины. Дану выхватила из его обездвиженной руки чашу и почти швырнула ее обратно на стол. Потом, буквально взлетев, уселась между двумя сосудами на столешницу, поджав под себя ноги, и, опустив тонкие пальцы в жидкость, стала ими задумчиво вращать.

– Ты ведь не изменишь своего намерения соединить себя именно с этой женщиной, – Богиня не спрашивала, а утверждала, говоря скорее с собой, нежели с Грегордианом. – И кем я буду, если стану требовать этого любой ценой? Богиня – жестокая сучка? Бессердечная стерва? Так она меня называет?

Сердце снова замолотило, стократно усиливая боль в стиснутых невидимыми тисками ребрах. Дану не принято было считать обидчивой или ранимой, а вот мстительной – безусловно, и ничего не прощающей.

– Так что, я должна позволить это слияние? – И снова вопрос, адресованный себе или вселенной, но никак не ему, прямо заинтересованному лицу. – Возможно. Но не просто так!

Содержимое чаши с его генной стало бледнеть, а вот прозрачная густая жидкость, предназначенная для Эдны, наоборот, приобретала цвет, будто он перетекал через тело Дану из одного сосуда в другой.

– Ладно, непокорное дитя, ты получишь человека в вечные супруги. И раз уж я в это вовлечена, то собираюсь принять в вашей судьбе непосредственное участие. Вы получите от меня дар. Она будет жить столько же, сколько ты, но и твое время от этого не сократится. – Грегордиан не торопился радоваться, так как знал, что ничего не бывает просто так. – Но все это станет возможным только в том случае, если ты выполнишь одно условие. Мелочь, что займет лишь краткое мгновение из вашего общего времени. Разделишь ее тело с другим. Хотя бы единожды. Случится это весьма скоро, и препятствовать ты этому не смеешь.

Несмотря на онемение и дикую боль, Грегордиан неистово забился в магическом захвате, буквально раздирая собственные мышцы и надрываясь во внутреннем вопле.

«НЕ-Е-ЕТ! Не бывать этому ни за что и никогда!» – орала каждая клетка и каждая капля сознания деспота.

Когда-то, целую вечность, кажется, назад он сам толкнул Эдну в руки своих воинов, желая увидеть оскверненной чужой похотью и так избавиться от того влечения, что сжигало его с самой первой встречи. Но с тех пор все полностью и безвозвратно изменилось и в нем,

и между ними. Эдна его, больше ничья, разделить ее немислимо, противоестественно! Пусть Богиня требует чего угодно другого!

Дану поднялась и отряхнула пальцы, и в этот момент генна в чаше деспота стала снова цвета благородной бронзы, а вот в чаше Эдны сверкнула ослепительной белизной и приобрела яркий перламутровый отлив.

– Итак, решено! – довольно провозгласила она, совершенно не обращая внимания на его дикие попытки возражать. – Ты получаешь, что хотел, а я то, что нужно мне. И посмотрим, что из этого выйдет.

Нет! К проклятым созданиям слияние! Грегордиан найдет другие способы продлевать жизнь Эдны, но на условия Дану не пойдет ни за что.

– Нет-нет-нет, хитрое дитя! – будто угадав его мысли, покачала головой Богиня, плотно ухмыляясь. – Процесс запущен, и отказаться и повернуть назад ты не можешь! Отменишь слияние – и я отберу назад каждую частичку моей искры, которой ты делился с этой женщиной! И ты ведь знаешь, что тогда случится?

Сердце окончательно вскипело и оглушительно лопнуло, оставляя его опустошенным. Если Дану отменит действие собственного дара, которым он исцелял Эдну, то она умрет. Мгновенно. Неожиданно сила, удерживающая его тело одревеневшим, исчезла, и Грегордиан повалился на пол кучей бессильной плоти. Дану же, мягко спрыгнув со стола, пошла в сторону балкона, покачивая бедрами.

– Дану, умоляю, отмени свое условие! – Горло казалось изодранным в кровь, каждая кость ощущалась сломанной, каждая мышца сотни раз пронзенной, но какое это имеет значение? Ноги отказывались держать, и Грегордиан пополз за Богиней, готовый молить сколько потребуется, но Дану небрежно отмахнулась.

– Нет! Решение принято, и я намерена наблюдать, к каким последствиям оно приведет. Причем весьма внимательно! – она раздраженно обернулась: – И вообще, чем ты не доволен, неблагодарное дитя? Ты получаешь эту женщину навсегда, как и хотел, всего лишь за то, что совсем недолго поделишься ею с другим. Неужели эта цена для тебя столь неподъемна?

– Да лучше бы ты моим телом так распорядилась! – рявкнул Грегордиан, на что Богиня звонко расхохоталась.

– Интересная мысль, но нет, это веселье было бы чересчур даже для меня! Так что смились!

И прежде чем Грегордиан мог еще возразить или начать униженно просить, Дану истаяла.

Глава 3

– Ты ведь не можешь отвергнуть супружеское слияние. – Ану встала на пути Дану, как только та перешагнула грань, отделяющую разреженное пространство так называемого мира Старших от Изначальной гамады.

От Богини во все стороны полились волны удовлетворения и облегчения, едва она сбросила столь угнетающую физическую форму. Сдерживать свою сущность, заковывая ее в осязаемую плоть, чтобы просто не убить смертные творения мгновенно самим фактом своего присутствия – это чрезвычайно обременительно и даже где-то болезненно.

– М-хм-м. Могу, если сами о нем просящие не готовы.

– Это не тот случай, ты же знаешь, сестра, – Ану указала сквозь подрагивающую стену барьера перед ними на дини-ши, который продолжал неистовствовать, отчаянно умоляя свою Богиню, что уже совсем не слушала его.

– Может быть. – Дану едва удостоила взглядом мужчину.

– Ты зовешь его «дитя», Дану. Но разве пристало родителю лгать своему ребенку?

– Все родители лгут своим чадам, уж поверь, – отмахнулась Богиня.

– Пусть так. Но их ложь – попытка защитить от ненужной боли, от жестокой реальности, от возможных разочарований. Ты же делаешь прямо противоположное!

Дану сосредоточила все свое удушающее внимание на той, кого она решила теперь считать сестрой. Сущность Ану замерцала, выдавая дискомфорт, но уступать она явно не спешила.

– Много ли у тебя детей, чтобы знать хоть что-то об этом? – желчно спросила Богиня, зная, что вонзает воображаемый нож туда, где и так болит почти вечность. – Хм... а привыкнуть звать тебя сестрой не так просто, как я думала, Ану. И твоя привычка совать свой нос в мои дела совсем не способствует этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.